



КАМЕНЬ ВЫБИРАЕТ МАСТЕРА

Аксель Панцер

Аксель Панцер

Камень выбирает мастера

«Автор»

2026

Панцер А.

Камень выбирает мастера / А. Панцер — «Автор», 2026

Продолжение к сборнику рассказов по сказам П.П.Бажова "Двенадцать месяцев". Егорка становится учеником мастера и начинает познавать мастерство через работу с камнем.

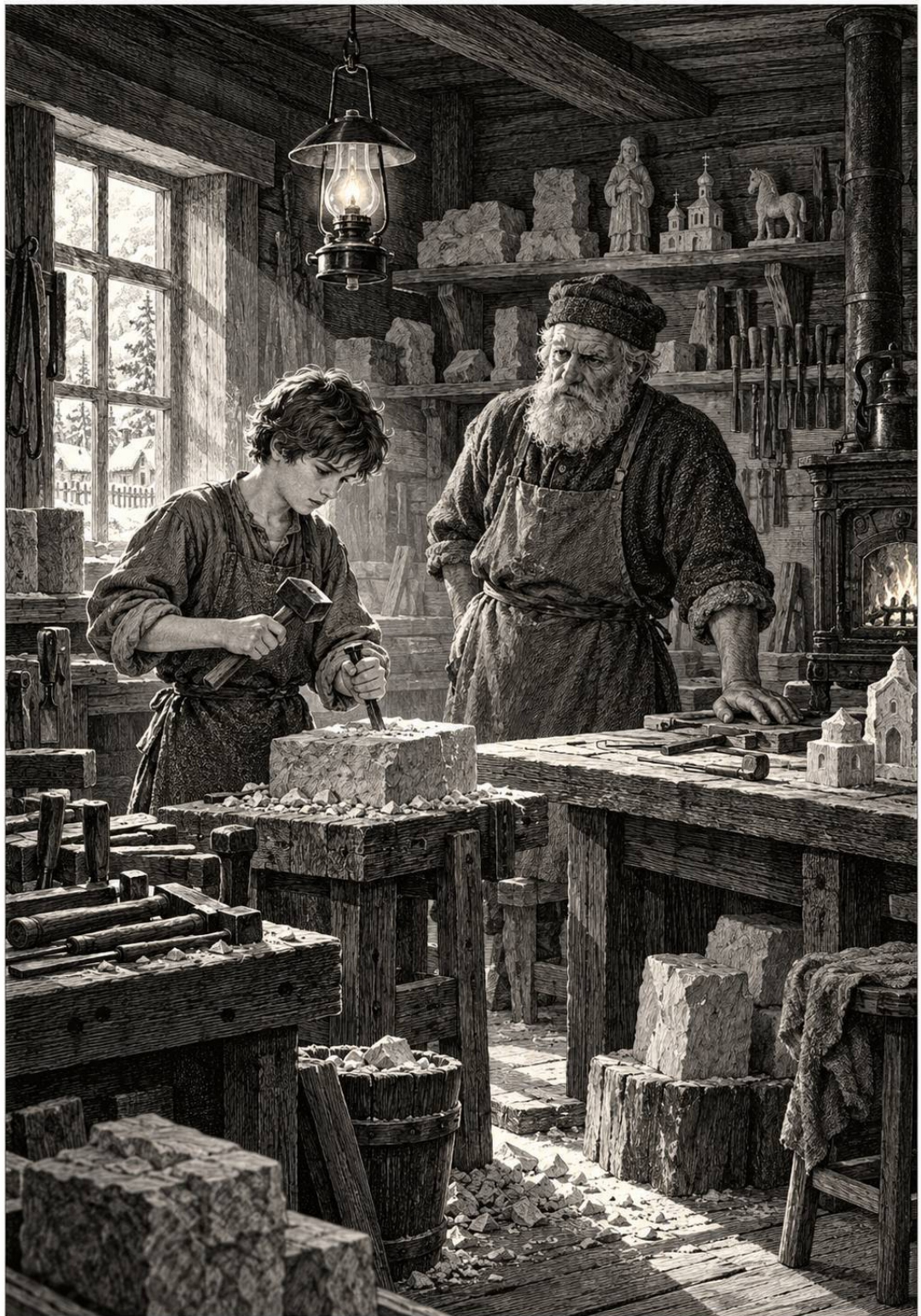
Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Камень выбирает мастера

Глава

Рассказы о Егорке и Прохорыче
(Продолжение к сборнику рассказов
«Двенадцать месяцев»)
Книга вторая
2026



Свой верстак

Егорка заметил перемену не сразу.

Утро было такое, какое бывает в конце долгой уральской зимы: ещё морозное, но уже не злое. За маленькими окнами мастерской стояла белёсая мгла, в низком небе угадывался будущий свет, а на стёклах серебрились тонкие папоротники инея. Печь, растопленная ещё

затемно, потрескивала сухими берёзовыми поленьями, и от железной дверцы шёл густой жар, смешиваясь с прохладой у окна. В воздухе пахло угольной пылью, маслом, мокрым деревом и камнем — тем особым сухим запахом, который Егорка теперь узнавал раньше, чем переступал порог.

На широком столе под окном лежали пластины яшмы, несколько кусков малахита, серый змеевик и тёмный, почти чёрный обломок породы, который Прохорыч вчера принёс от знакомого рудничного мастера. Свет цеплялся за отполированные края и пропадал в матовой корке необработанных кусков.

Егорка вошёл, стряхивая снег с валенок, и привычно потянулся к фартуку. За последние годы он вытянулся так, что старый холщовый передник, когда-то доходивший почти до щиколоток, теперь едва прикрывал колени. Плечи стали шире, руки — жилистее. Исчезла детская мягкость пальцев, на ладонях появились первые настоящие мозоли, а под ногтями почти всегда оставалась светлая каменная пыль, которую невозможно было отмыть сразу.

Прохорыч стоял у дальней стены спиной к нему и что-то переставлял. На старике была тёмная шерстяная рубаха, поверх неё — выцветший жилет, весь в белёсых следах каменной пыли. Седая борода была аккуратно подобрана к груди, а рукава закатаны так, чтобы не цепляться за инструмент.

— Доброе утро, — сказал Егорка.

— Кому доброе, а кому ещё видно будет, — отозвался старик, не оборачиваясь.

Это тоже было как обычно. Егорка улыбнулся и пошёл к своему привычному месту — к краешку большого стола, где ему разрешалось работать последние два года. Но там ничего не было. Ни деревянной подставки, ни жестяной коробки с мелким инструментом, ни тряпки, которую он всегда подкладывал под заготовку. Егорка остановился.

— Прохорыч?

— Чего?

— А мои вещи где?

— Какие твои?

Егорка нахмурился и обернулся. Старик наконец повернул голову. Борода его стала ещё белее, чем прежде, зато глаза оставались теми же — насмешливыми, цепкими, замечающими всё раньше остальных.

— Резцы мои. Напильники. Коробка.

— Резцы, значит, твои?

— Ну... которыми я работаю.

— Это другое дело.

Прохорыч кивнул в сторону дальней стены. Егорка посмотрел туда и только тогда понял, чем старик занимался с утра.

Рядом с небольшим окном, где прежде стоял старый сундук с обрезками породы, теперь помещался узкий деревянный верстак. Не новый — даже наоборот. Толстая столешница была вся в порезах, царапинах, следах клея и тёмных пятнах неизвестного происхождения. Один угол когда-то откололся и был грубо подправлен рубанком. В боковой стенке чернела небольшая прожжённая ямка. На передней перекладине дерево потемнело там, где десятилетиями упирались колени.

Но над верстаком висела полка. А на полке лежали инструменты — аккуратно, не вперемишку: резцы, два напильника, маленький молоток, деревянный брусок, свёрток наждака и коробочка со свёрлами. Егорка не сразу пошёл туда.

— Это что?

— На телегу не похоже.

— Я вижу, что верстак.

— Значит, глаза ещё работают.

— А зачем он здесь?

Прохорыч поднял брови.

— Слушай, Егор. Если я тебе каждую вещь объяснять стану, ты до старости подмастерьем проходишь.

Слова прозвучали буднично. Настолько буднично, что Егорка сначала даже не понял. Потом понял.

— Подмастерьем?

Прохорыч отвернулся и стал перекладывать камни на большом столе.

— А кем же ещё?

Егорка почувствовал, как внутри что-то быстро и горячо поднялось к горлу. Он много раз представлял себе этот день. Только представлял иначе. Думал, Прохорыч торжественно скажет что-нибудь важное. Может быть, пожмёт ему руку. Может, достанет старый хороший резец и скажет: «Ну, Егорка, теперь ты не мальчишка при мастерской, а подмастерье». А Прохорыч просто поставил старый верстак. И всё.

Егорка подошёл ближе и провёл ладонью по столешнице. Дерево оказалось гладким там, где его десятилетиями касались руки, и шероховатым возле краёв. В одном месте виднелась выцарапанная буква «П».

— Ваш был? — спросил он.

Прохорыч мельком взглянул.

— Когда-то.

— Давно?

— До тебя.

— А буква?

— Может, моя. Может, чужая. Не всё тебе знать надо.

Егорка снова провёл пальцами по дереву. Теперь верстак казался совсем другим. Не старым — настоящим.

В зарубках будто оставались чужие движения, осторожные и нетерпеливые руки молодых учеников, которые когда-то так же стояли здесь и думали, что уже почти всё умеют.

— Значит, я теперь сам могу работать?

Прохорыч медленно повернул голову.

— Вот этого я и боялся.

— Чего?

— Первой глупости.

— Какой ещё глупости?

— Что верстак человеку мастерство выдаёт.

Егорка отдёрнул руку.

— Я не говорил, что мастер.

— Зато подумал.

— Откуда вы знаете?

— Потому что сам когда-то такой был.

Этого Егорка не ожидал. Прохорыч редко говорил о своей молодости. А если и говорил, то так, словно речь шла совсем о другом человеке. Старик подошёл к новому месту Егорки и постучал костяшками пальцев по столешнице.

— Верстак тебе дал. Инструмент дал. Место твоё. Это правда.

Он помолчал, глядя не на Егорку, а на исцарапанное дерево.

— А мастером ты себя сам ещё сделай.

Егорка кивнул. Хотел сказать что-нибудь серьёзное, но не нашёл слов, поэтому спросил:

— А что делать сегодня?

— Вот теперь похож на подмастерье.

Прохорыч достал из ящика небольшой кусок серо-зелёной яшмы и положил перед ним.
— Посмотри.

Егорка взял камень. Ничего особенного: кусок размером с ладонь, неровный, с тёмной коркой по одному краю. Но когда он намочил палец и провёл по поверхности, под серой пылью проступили тонкие светлые линии.

— Здесь жилка.

— Где?

Егорка показал. Прохорыч промолчал.

— Если снять вот этот край, — продолжил Егорка, — она пойдёт сюда.

— Может.

Он повернул камень. Теперь линия действительно напоминала веточку.

— Можно сделать лист.

— Можно.

— Или ветку.

— Можно.

— А лучше ветку.

— Почему?

Егорка задумался.

— Линия длинная. Жалко резать.

Прохорыч коротко кивнул. Это был почти комплимент. Егорка достал инструмент. Первое движение сделал осторожно. Потом второе. Камень заскрипел под резцом. Мелкая пыль легла на пальцы. Прохорыч вернулся к своему столу и больше не смотрел — во всяком случае, Егорке так казалось. Он работал почти час. Сначала медленно, потом всё увереннее. За окном посветлело. Сквозь морозное стекло пробился слабый зимний свет, серебристый и плоский. Печь прогорела и теперь тихо гудела. Где-то на улице проехали сани, за стеной мастерской послышались голоса.

Егорка впервые чувствовал себя здесь иначе. Раньше любое движение происходило будто на чужой территории. Большой стол — Прохорыча. Шкаф — Прохорыча. Камни — Прохорыча. Инструмент — Прохорыча. Даже воздух мастерской казался ему принадлежавшим старику. А теперь появился маленький островок, который был его собственным. Егорка. Подмастерье. Слово нравилось ему всё больше. Он снова приложил резец.

— Не спеши.

Егорка вздрогнул. Прохорыч даже не смотрел в его сторону.

— Я не спешу.

— Тогда чего рука побежала?

Егорка остановился, посмотрел — и действительно понял: ещё немного, и он срезал бы часть светлой жилки.

— Видишь?

— Вижу.

— Хорошо.

— Что хорошего? Чуть не испортил.

— Хорошо, что увидел до того, как испортил.

Прохорыч подошёл и забрал камень. Долго рассматривал, потом вернул.

— Знаешь, чем подмастерье от мальчишки отличается?

Егорка хотел ответить, но старик продолжил:

— Мальчишка думает: «Я успел остановиться». А подмастерье думает: «Почему я чуть не сделал глупость?» Разница небольшая. А времени между ними иногда лет десять.

Егорка нахмурился.

— Вы всегда так говорите, будто всё очень трудно.

— Потому что трудно.

— А если человеку дано?

Прохорыч усмехнулся.

— Что дано?

— Ну... талант.

Старик присел на край своего стола.

— Талант — штука удобная.

— Почему?

— На него можно любую глупость списать. Получилось — талант. Не получилось — вдохновения не было. Камень испортил — настроение не то. Работу бросил — душа не лежала. Красота.

Он покачал головой.

— А мастер утром встал, пришёл и работает. Есть настроение — работает. Нет настроения — тоже работает.

Через некоторое время Прохорыч снова отошёл. Работа продолжилась. К полудню яшма уже начинала открываться. Егорка не делал ничего сложного — только снимал лишнее, постепенно освобождая светлую линию. Но чем меньше оставалось серой поверхности, тем яснее становился рисунок: тонкая, чуть изогнутая веточка, будто зимняя ветка под снегом. Егорка так увлёкся, что не сразу заметил женщину, вошедшую в мастерскую. Она принесла Прохорычу сломанную застёжку от каменной броши. Пока старик разговаривал с ней, Егорка невольно выпрямился. Теперь он стоял за собственным верстаком. Пусть женщина этого не знала. Но он знал.

Она мельком посмотрела на него.

— Помощник ваш?

Раньше Прохорыч всегда отвечал: «Да так, мальчишка учится».

Сегодня сказал:

— Подмастерье.

Всего одно слово. Но Егорка запомнил его лучше всего, что случилось в тот день. После ухода женщины он ещё долго старался работать особенно спокойно, чтобы Прохорыч не подумал, будто похвала вскружила ему голову. Хотя именно это и произошло. К вечеру свет стал быстро уходить. Прохорыч зажёл лампу. Жёлтый круг лёг на верстак, и каменная пыль вдруг засверкала мелкими искрами.

— Всё, — сказал старик.

— Ещё немного.

— Вот опять.

Егорка нехотя отложил резец.

— Что опять?

— «Ещё немного».

— Я почти закончил.

— Потому и остановись.

— Почему?

Прохорыч посмотрел на него устало.

— Потому что половину камней портят в самом конце.

Егорка вздохнул. Он давно привык к тому, что у Прохорыча на любую ситуацию находится правило. Иногда ему казалось, что старик специально выдумывает их вечером, чтобы утром испытывать на нём. Он стал убирать инструмент. Каждый резец теперь имел своё место. Напильники лежали отдельно. Мелкие свёрла — в деревянной коробочке. Егорка неожиданно понял, что ему нравится сам этот порядок.

Он протёр стол, смахнул пыль, повесил фартук и только тогда поднял голову. Над его верстаком находилась ещё одна полка. Высоко, почти под потолком. Егорка раньше никогда не обращал на неё внимания, потому что в этом углу стоял сундук. На полке лежало несколько старых заготовок. Среди них — тёмный камень. Егорка замер. Он помнил его. Конечно, помнил. Когда-то, много лет назад, когда сам едва доставал подбородком до края рабочего стола, он спрашивал:

— Прохорыч, а этот почему не режете?

Старик тогда ответил:

— Не время.

Егорка ещё удивился: какое у камня может быть время? С тех пор прошло несколько лет. Камень лежал там же. Большой, тёмный, почти чёрный, с едва заметным зелёным отблеском на одном боку.

— Прохорыч.

— Чего?

— А этот всё ещё здесь.

Старик не переспросил, о чём речь. Только на мгновение замер.

— Здесь.

— Вы так его и не трогали?

— Нет.

— Почему?

— Потому.

— Тогда говорили — не время.

— Значит, не пришло.

Егорка посмотрел на него.

— За столько лет?

Прохорыч медленно поднял глаза на верхнюю полку. Его лицо вдруг стало совсем другим. Не сердитым, не насмешливым — просто старым.

— Для некоторых вещей несколько лет ничего не значат.

Егорка хотел спросить ещё, но что-то его остановило. Может, выражение лица Прохорыча. А может, собственное неожиданное ощущение: сегодня он получил право на многое, чего раньше не имел — на верстак, на инструмент, на работу, на имя подмастерья. Но не на всё. Он снова посмотрел на тёмный камень. В свете лампы тот казался почти совершенно чёрным. Только внутри, очень глубоко, словно на мгновение шевельнулось что-то зеленоватое.

Егорка прищурился. Отблеск исчез.

— Показалось, — пробормотал он.

— Что?

— Ничего.

Прохорыч погасил лампу. Они вышли из мастерской. На улице уже стемнело. Снег под ногами скрипел сухо и звонко, над крышами висело чистое морозное небо, и звёзды казались совсем близкими. Прохорыч запер дверь. Егорка ещё раз посмотрел на маленькое окно мастерской. Сегодня там, за стеной, осталось его собственное место. Его верстак. Его инструменты. И тёмный камень, которого нельзя было трогать.

Почему-то именно о нём Егорка думал всю дорогу домой. А перед сном вдруг вспомнил одну старую фразу Прохорыча, услышанную ещё в детстве: «Не всякий камень человеку открывается. Бывает, сперва человеку самому надо открыться». Тогда Егорка не понял этих слов. Теперь ему казалось, что начал понимать. Но только начал.



Испорченный малахит

Через неделю после того, как у Егорки появился собственный верстак, Прохорыч впервые доверил ему настоящий малахит. Не обрезок, не тренировочную пластину с трещиной по краю и не кусок, который всё равно пошёл бы на мелкую работу. Настоящий хороший камень. Утро было тусклое, с мягким снегом, который медленно налипал на рамы и таял на подокон-

нике. В мастерской горела лампа, хотя день уже начался: облака лежали так низко, что света не хватало. Прохорыч вынул пластину из нижнего ящика старого шкафа и положил перед Егоркой на сложенную вдвое холщовую тряпицу.

— На.

Егорка не сразу протянул руку. Пластина была чуть больше ладони, тяжёлая, прохладная. По тёмно-зелёному фону шли округлые светлые полосы — будто вода разошлась кругами после падения капли. На другом краю рисунок становился плотнее: зелень сгущалась почти до чёрной, а через неё проходила тонкая светлая линия. Егорка медленно повернул камень.

— Хороший.

— Потому и даю.

— Мне?

— А кому? Печке?

Егорка улыбнулся, но внутри всё сразу напряглось. За последнюю неделю Прохорыч давал ему только простые заготовки: яшму, серпентин, дешёвый белёсый камень, из которого Егорка вытачивал небольшие вставки для рамок. А тут — малахит. Настоящий.

— Что делать?

— Небольшую пластину для крышки коробки.

— С узором?

— Узора там и без тебя хватает.

Егорка ещё раз перевёл взгляд на камень. Прохорыч сел рядом.

— Видишь вот это?

Он провёл ногтем вдоль полосы.

— Вижу.

— Резать будешь поперёк — получишь одно.

Потом повернул пластину.

— Пойдёшь вдоль — другое.

— А как лучше?

Прохорыч убрал руки.

— Вот теперь решай сам.

Егорка посмотрел на него.

— Совсем сам?

— А что? Верстак собственный. Подмастерье. Хотел взрослой работы — получай.

Егорке не понравилось, как это прозвучало, будто Прохорыч нарочно напоминал о том, как он гордился новым званием.

— Решу.

— Вот и решай.

Старик отошёл к своему столу. Егорка ещё раз намочил поверхность. Зелень сразу стала глубже. Круги на камне ожили. Если смотреть под одним углом, они напоминали перья, под другим — маленькие волны. Егорка подумал, что красиво было бы оставить их почти целиком. Но тогда пластина получалась слишком широкой. Он взял карандаш. Наметил линию. Стер. Наметил другую. Прохорыч не вмешивался.

Это было хуже всего. Когда старик стоял рядом и бурчал, Егорка хотя бы знал, что его контролируют. А тут — тишина. Через некоторое время в мастерскую вошёл Федька, сын кузнеца, который иногда забегал после работы. На нём была короткая овчинная куртка, пахнувшая дымом, и шапка, с которой на пол осыпался мелкий снег.

— Здорово.

— Здорово.

Федька подошёл ближе.

— Это что, малахит?

— Малахит.

— Тебе дали?

Егорка пожал плечами, стараясь сделать вид, будто ничего особенного.

— Работать.

Федька свистнул.

— Значит, совсем мастер.

Прохорыч, не поднимая головы, сказал:

— Не поминай лихо.

Федька усмехнулся. Егорка почувствовал, как у него загорелись уши.

— Да я и не говорил, что мастер.

— А он сказал, — заметил Прохорыч.

— Ну и что?

— Ничего. Работай.

Егорка опустил голову. Теперь ему особенно хотелось сделать всё хорошо. Не просто хорошо — лучше, чем Прохорыч ожидал. Так, чтобы вечером старик посмотрел и сказал хотя бы: «Неплохо». Это у Прохорыча считалось почти похвалой. Егорка снова взял камень. Линия, которую он наметил, казалась правильной. Но если чуть изменить угол, можно было сохранить ещё одну красивую дугу. Он долго смотрел. Потом решил. Повернул заготовку.

Прохорыч мельком взглянул.

— Уверен?

Егорка замер.

— Да.

— Тогда режь.

Один вопрос. Всего один. Но после него уверенность будто треснула. Его взгляд вновь вернулся к камню. Может, старик что-то заметил? Может, специально спросил?

— А что?

— Ничего.

— Вы же спросили.

— Потому что ты уже резец взял.

— Значит, неправильно?

Прохорыч вздохнул.

— Егор. Или режь, или думай. Только не делай оба дела сразу.

Федька хмыкнул. Егорка резко повернулся:

— А ты чего стоишь?

— Да ухожу я.

Федька усмехнулся и вышел. В мастерской снова стало тихо. Егорка стиснул зубы. Теперь ему уже хотелось не просто сделать хорошо. Хотелось доказать. Кому — он и сам не понимал. Прохорычу. Федьке. Себе. Может быть, даже самому малахиту. Он провёл резцом первую линию. Камень отозвался тонким скрипом. Ничего не произошло. Егорка выдохнул и пошёл дальше: сначала осторожно, потом быстрее. Работа спорилась. Через несколько минут он почти перестал чувствовать страх. Вот она, линия. Вот рисунок. Вот край. Всё правильно. Даже лучше, чем он представлял.

Прохорыч занимался своим делом и больше не смотрел. Егорка чуть изменил угол инструмента. Совсем немного. И услышал звук. Не громкий. Короткий. Сухой. Щёлк. Егорка замер. На секунду ему показалось, что ничего не случилось. Потом от края малахита пошла тонкая белёсая трещина. Она медленно пересекла зелёную полосу и остановилась. Егорка не дышал. Провёл пальцем. Трещина была настоящая. Глубокая. Камень ещё держался, но уже был испорчен.

Первой мыслью было: «Прохорыч не заметит». Мысль появилась сама. Быстро. Почти без слов. Егорка повернул пластину. Если снять ещё немного с края... Может быть, трещина уйдёт. Да. Наверняка. Он взял более тонкий резец.

— Не трогай.

Голос Прохорыча прозвучал за спиной. Егорка вздрогнул. Старик стоял рядом.

— Я хотел только...

— Положи.

Егорка положил инструмент. Прохорыч взял пластину. Долго смотрел. Провёл ногтем по трещине. Повернул к свету. Ничего не сказал. Это было хуже брани.

— Можно убрать, — быстро заговорил Егорка. — Если чуть уменьшить, она почти вся срежется.

Прохорыч молчал.

— Правда.

— Вижу.

— Тогда я сейчас...

— Нет.

Егорка почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

— Почему нет?

— Потому что сначала скажи, что произошло.

— Треснул.

— Камень сам?

Егорка нахмурился.

— Нет.

— Тогда кто?

— Я.

— Почему?

— Не знаю.

Прохорыч положил малахит на стол.

— Знаешь.

— Я всё правильно делал.

— Нет.

— Почти правильно.

— Вот «почти» и треснуло.

Егорка сжал руки.

— Вы сами сказали решать.

— Сказал.

— Я решил.

— Решил.

— И что теперь?

Прохорыч посмотрел прямо на него.

— Теперь отвечай за решение.

Егорка вспыхнул.

— А что мне сделать? Склеить?

— Нет.

— Тогда что?

— Понять.

— Я понял. Нельзя было так вести резец.

— Это ты камень понял. А себя?

Егорка отвернулся. За окном падал снег — мелкий, почти невидимый. На стекле собирались капли от тепла печи.

— Вы всегда так, — сказал он.

— Как?

— Будто всё не про камень.

Прохорыч усмехнулся.

— А оно и не про камень.

Егорка резко повернулся.

— А про что?

Старик сел на табурет.

— Ты когда начал спешить?

Егорка молчал.

— Когда Федька сказал, что ты мастер?

Егорка посмотрел в пол.

— Нет.

— Когда я спросил, уверен ли ты?

Тишина.

— Может.

— Вот.

Прохорыч пододвинул малахит ближе.

— Камень ты до того видел хорошо. А потом перестал видеть.

— Почему?

— Потому что начал смотреть на себя.

Эта фраза задела сильнее всего. Потому что была правдой. Егорка уже не думал о рисунке. Он думал, как выглядит со стороны, как держит инструмент, как Прохорыч заметит его уверенность, как Федька расскажет кому-нибудь, что Егорке доверили настоящий малахит. Прохорыч снова взял пластину.

— Ошибка тут не страшная.

Егорка поднял глаза.

— Не страшная?

— Камень жалко. Но бывает хуже.

— А что хуже?

— Когда человек ошибку прячет.

Егорка замер. Прохорыч смотрел спокойно.

— Я не прятал.

— Не успел.

Егорка покраснел.

— Я хотел убрать трещину.

— Вот именно.

— Так она бы исчезла!

— Снаружи.

Прохорыч постучал пальцем по пластине.

— А внутри осталась бы. И ты бы знал.

Егорка отвернулся.

— Запомни. Испорченную вещь иногда можно переделать. Испорченную работу — не всегда. А испорченную правду не исправишь никаким резцом.

Егорка недовольно покосился на него.

— Опять правило.

— Опять.

- У вас на всё правило.
- Потому и дожил до седых волос.
- Прохорыч поднялся.
- Теперь что с камнем делать будете?
- Я?
- Ты испортил.

Егорка снова взял пластину. Трещина пересекала почти треть рисунка. Если делать крышку для коробки — не годится. Но одна половина оставалась целой.

- Можно две маленькие вставки.
- Можно.
- Или одну брошь.
- Можно.
- Вот здесь рисунок хороший.

Прохорыч кивнул.

- Уже смотришь.

Егорка поднял глаза.

- Что?
- На камень. Не на себя.

Егорка невольно улыбнулся. Совсем чуть-чуть. Они вместе разметили новую форму. Теперь Егорка не спешил. Каждое движение проверял дважды. Когда солнце уже начало уходить за крыши, из испорченной пластины получились две небольшие заготовки: одна овальная, другая прямоугольная. Прохорыч осмотрел их.

- Неплохо.

Егорка замер. Вот оно. То самое слово. Только радости почему-то оказалось меньше, чем он ожидал.

- А первая работа была бы лучше.
- Была бы.
- Жалко.
- Хорошо.
- Чего хорошего?
- Значит, запомнишь.

Егорка убрал инструмент. Малахитовую пыль он собирал особенно тщательно. Она лежала на столе ярко-зелёным налётом — красивым, почти праздничным. Егорка смотрел на неё и думал, что ещё утром этот камень был целым. Он сам изменил его. Не так, как хотел. И уже ничего нельзя было вернуть. Перед уходом Прохорыч неожиданно положил одну из маленьких заготовок на его верстак.

- Это зачем?
- Твоя.
- Для чего?
- Оставь.
- Просто так?
- Чтобы помнил.

Егорка взял кусочек. На нём как раз проходил конец той самой трещины.

- Вот эту?
- Её.
- Я бы лучше хорошую часть оставил.
- Потому и даю эту.
- Егорка покачал головой.
- Иногда вы специально делаете всё неприятно.

— Иногда.

Прохорыч уже надевал тулуп. Егорка положил камень в маленький ящик своего верстака — рядом с карандашами — и закрыл. В тот вечер он несколько раз вспоминал сухой короткий звук. Щёлк. Совсем тихий. Но теперь ему казалось, что он услышал его гораздо громче, чем тогда. На следующий день Егорка пришёл первым. Растопил печь, протёр верстак, достал из ящика треснувший кусок малахита. Посмотрел и убрал обратно.

Прохорыч вошёл через несколько минут.

— Рано.

— Не спалось.

— Почему?

Егорка пожал плечами.

— Думаю.

Прохорыч повесил тулуп.

— Вредное занятие.

Егорка усмехнулся. Потом спросил:

— Прохорыч.

— Чего?

— Вы много камней испортили?

Старик замер. Совсем ненадолго.

— Достаточно.

— А самый дорогой?

Прохорыч посмотрел на верхнюю полку. Туда, где лежал тёмный камень. Всего на мгновение. Но Егорка заметил.

— Один был дороже всех, — сказал старик.

— И вы его испортили?

Прохорыч ничего не ответил. Подошёл к своему столу.

— Работай.

Егорка хотел спросить ещё, но промолчал. Теперь тёмный камень казался ему ещё загадочнее. И впервые он подумал, что, может быть, Прохорыч хранит его вовсе не потому, что не знает, как обработать. А потому, что однажды уже попробовал.



Чужая рука

Никиту привёл в мастерскую его отец в один из тех мартовских дней, когда зима ещё не ушла, но уже устала держаться. По краям дороги лежал серый снег, с крыш капало, а ветер пах сырой древесиной и железом от кузницы. Егорка как раз заканчивал маленькую овальную

вставку из серого змеевика. Работа была простая, но требовала терпения: один край всё никак не хотел получаться ровным, и Егорка уже третий раз менял положение заготовки под светом.

Дверь распахнулась, впустив холодный воздух и запах талого снега. В мастерскую вошёл высокий мужчина в меховой шапке, с густыми усами и обветренным лицом. За ним стоял парень примерно Егоркиного возраста — может, на год старше. Худой, светловолосый, в тёмной короткой куртке, с длинными пальцами и каким-то слишком спокойным взглядом. Прохорыч отложил инструмент.

— Афанасий?

— Он самый.

Мужчины пожали друг другу руки. Егорка посмотрел на пришедшего подростка. Тот тоже посмотрел на него — не вызывающе, не насмешливо, просто внимательно. От этого почему-то стало неприятнее.

— Сын мой, — сказал Афанасий. — Никита.

— Знаю. Видел маленьким.

— Маленьким-то все хороши. А теперь вот вытянулся. Работать надо.

Никита едва заметно улыбнулся.

— У отца учишься? — спросил Прохорыч.

— Учусь.

— Чему научился?

— Немногому.

Егорка снова посмотрел на него. Ответ ему не понравился. Слишком правильный. Человек, который действительно умеет мало, обычно старается доказать обратное. А этот сказал спокойно, будто ему всё равно, что о нём подумают. Афанасий снял шапку.

— Дело у меня к тебе, Прохор Савельич. Надо мне в Верхний завод недели на две, может, на три. Заказ большой подвернулся. Парня с собой не потащу — мешаться будет. Ты бы его у себя подержал.

Егорка замер. Прохорыч прищурился.

— Подержал — это как?

— Пусть поработает. Тебе помощь, ему польза. Я ему что мог показал, а дальше пусть чужую руку посмотрит.

Егорка невольно нахмурился. Прохорыч заметил, но ничего не сказал.

— А ты чего хочешь? — спросил он Никиту.

— Работать.

— У отца плохо?

— Хорошо.

— Тогда чего сюда?

Никита чуть подумал.

— У каждого мастера рука своя.

Прохорыч кивнул.

— Это верно.

Егорке снова стало неприятно. Слова звучали умно. Слишком умно. Через несколько минут Афанасий ушёл. Никита остался. В мастерской стало теснее, хотя места хватало. Прохорыч показал ему небольшой стол у стены, где обычно разбирал заготовки.

— Пока здесь.

— Хорошо.

— Инструмент свой?

Никита открыл кожаный свёрток. Егорка сразу посмотрел. Инструменты были хорошие — не новые, но ухоженные. Рукоятки гладкие, резцы заточены аккуратно, каждый лежал на

своём месте. Никита развернул свёрток неторопливо, без всякого желания похвастаться. И это опять раздражало.

— Что умеешь? — спросил Прохорыч.

— Простые вставки. Шлифовку. Немного мелкой резьбы.

— Камень читаешь?

Никита пожал плечами.

— Иногда.

Прохорыч усмехнулся.

— Значит, не читаешь.

Егорка едва не улыбнулся. Вот теперь всё стало понятнее. Однако уже через час ему было не до улыбок. Прохорыч дал Никите почти такую же работу, какую Егорка выполнял утром: маленькую пластину змеевика для металлической оправы. Егорка краем глаза наблюдал. Никита сначала долго ничего не делал. Повернул камень. Посмотрел на свет. Провёл пальцем по краю. Потом взял инструмент. И начал работать.

Без лишних движений. Егорка сперва решил, что тот просто осторожничает. Но минут через двадцать понял: Никита работает быстрее него. Не потому, что спешит. Наоборот. Он почти не останавливался. Каждое движение было коротким и точным. Там, где Егорка несколько раз примерял заготовку, Никита проверял один раз. Там, где Егорка менял резец, Никита продолжал тем же. Прохорыч подошёл. Посмотрел.

— Кто учил держать так?

— Отец.

— Правильно учил.

И отошёл. Егорка слишком сильно нажал на свою заготовку. Инструмент скользнул.

— Осторожнее, — сказал Прохорыч.

— Я осторожно.

— Вижу.

Егорка стиснул зубы. Никита ничего не сказал. Вот если бы усмехнулся — было бы проще. Если бы посмотрел победно. Если бы хотя бы показал, что слышал. Но он продолжал работать.

К полудню его вставка была готова. Прохорыч взял её. Провёл пальцем по краю. Положил на стол.

— Чисто.

Одно слово. Егорка невольно вспомнил, сколько ему самому пришлось ждать первого прохорычевского «неплохо». А этому — сразу «чисто».

— Быстро сделал, — сказал Прохорыч.

Никита пожал плечами.

— Привык.

Егорка не удержался:

— Быстро — не значит хорошо.

Никита поднял глаза.

— Не значит.

— Можно быстро испортить.

— Можно.

— И что тогда?

— Переделывать.

Егорка почувствовал, что злится ещё сильнее.

— А если не переделывается?

Никита чуть улыбнулся.

— Тогда плохо.

— Чего ты к нему привязался? — спросил Прохорыч.

— Я не привязался.

— Вижу.

После обеда Прохорыч дал им две почти одинаковые заготовки из яшмы.

— Сделаете простые пластинки. Размер один. Форма одна. Рисунок не трогайте.

Егорка сразу подумал, что теперь всё будет честно. Одинаковый камень. Одинаковая работа. Одинаковое время. Он положил заготовку на свой верстак. Рядом Никита спокойно устроился у стола. Егорка начал первым. Работал собранно — так собранно, что через несколько минут перестал замечать всё вокруг. Только края. Линии. Инструмент. И тихий скрежет Никитиной работы неподалёку. Иногда Егорка слышал, как тот меняет положение камня, как откладывает один резец и берёт другой. И каждый раз ему казалось, что Никита уже впереди. Он начал работать быстрее. Совсем чуть-чуть. Потом ещё.

В какой-то момент Прохорыч сказал:

— Егор.

— Что?

— Ничего.

— Тогда зачем позвали?

— Чтобы ты слышал.

— Что?

— Себя.

Егорка не понял, но замедлился. Ненадолго. Через полчаса Никита отложил инструмент.

— Готово.

Егорка даже не поднял головы. Его пластина тоже была почти закончена. Он хотел успеть раньше, чем Прохорыч проверит чужую работу. Ещё немного. Ещё край. Ещё движение.

— Готово, — сказал и он.

Прохорыч взял обе пластины. Положил рядом. Долго смотрел. Егорка стоял, скрестив руки на груди. Никита — спокойно.

— Ну? — не выдержал Егорка.

Прохорыч поднял на него глаза.

— Что «ну»?

— Какая лучше?

Старик поднял брови.

— А зачем тебе?

— Просто.

— Не просто.

— Мы одинаковое делали.

— Делали.

— Значит, можно сравнить.

Прохорыч положил обе пластины обратно.

— Можно.

— И?

— Никитина чище.

Егорка почувствовал, будто его толкнули.

— Где?

— По краю.

— У меня тоже ровно.

— Ровно.

— Тогда почему чище?

Прохорыч поднёс пластину к свету.

— Здесь переход мягче. Здесь след инструмента меньше. Здесь угол не завален.

Егорка смотрел. Всё это было. Но совсем немного. Так немного, что человек со стороны, наверное, не заметил бы. Егорка заметил. И от этого стало ещё хуже.

— Зато я быстрее закончил.

Никита посмотрел на него. Прохорыч усмехнулся.

— На полминуты.

— Всё равно.

— Заказчик будет благодарен.

Егорка понял, что старик смеётся.

— Я вообще-то старался.

Прохорыч перестал улыбаться.

— Вот это и плохо.

— Почему?

— Потому что старался не камень сделать, а Никиту обогнать.

Егорка вспыхнул.

— Неправда.

— Правда.

— Откуда вы знаете?

— По работе.

Прохорыч постучал пальцем по яшме.

— Работа всегда выдаёт, о чём человек думал.

Егорка посмотрел на Никиту.

— А он, значит, ни о чём не думал?

— Почему? — ответил Никита. — Думал.

— О чём?

— Чтобы край не завалить.

Егорка фыркнул и взял свою пластину. В тот день они почти не разговаривали. На следующий — тоже. Егорка решил, что Никита ему не нравится. Причин для этого было достаточно: тот работал быстро, редко ошибался, не хвастался, не спорил с Прохорычем, не задавал лишних вопросов и — что самое неприятное — иногда задавал правильные. Однажды Прохорыч показал, как вести резец по мягкой жилке. Никита попробовал один раз. Второй. На третий получилось. Егорка наблюдал и всё больше убеждался: у того действительно хорошая рука.

Именно это бесило сильнее всего. Если бы Никита был просто сыном хорошего мастера, если бы у него были дорогие инструменты, если бы отец заранее научил каким-то секретам — тогда можно было бы объяснить. Но дело было не в этом. Он чувствовал камень. Не так глубоко, как Прохорыч. Но чувствовал. На четвёртый день Егорка не выдержал. Прохорыч ушёл к заказчику, оставив их вдвоём. Никита шлифовал небольшую вставку. Егорка работал рядом, долго молчал, потом спросил:

— Тебя отец давно учит?

— С детства.

— С какого возраста?

— Не помню.

— Лет с десяти?

— Раньше.

Егорка усмехнулся.

— Тогда понятно.

Никита поднял глаза.

— Что?

— Почему ты быстро работаешь.

— Почему?
— Потому что раньше начал.
Никита подумал.
— Может быть.
Ответ опять не понравился.
— А отец у тебя хороший мастер?
— Хороший.
— Лучше Прохорыча?
Никита посмотрел на него.
— Не знаю.
— Как это не знаешь?
— Они разные.
— Всё равно кто-то лучше.
— Зачем?
Егорка нахмурился.
— Что зачем?
— Зачем обязательно кто-то лучше?
— Ну... потому что так бывает.
— Бывает.
Никита вернулся к работе. Егорка помолчал.
— А я как работаю?
Теперь Никита улыбнулся.
— Ты правда хочешь, чтобы я сказал?
— Говори.
— Хорошо работаешь.
— Всё?
— А чего ещё?
— Что плохо?
— Иногда торопишься.
— Прохорыч то же самое говорит.
— Значит, наверное, так и есть.
Егорка почувствовал укол.
— А ты, значит, никогда не торопишься?
— Тороплюсь.
— Не видно.
Никита посмотрел на свои руки.
— Отец однажды заставил меня месяц переделывать одинаковые вставки.
— Зачем?
— Я испортил заказ.
Егорка удивился.
— Как?
— Хотел показать, что быстрее него могу. Сделал быстро. Шесть пластин. Отец посмотрел — четыре выбросил.
— И что сказал?
— Ничего.
— Совсем?
— На следующий день положил ещё шесть.
Егорка невольно улыбнулся.
— Жестоко.

— Я тоже так думал. Через месяц перестал думать, кто быстрее.

Эта фраза задела. Потому что Егорка понял: последние четыре дня только об этом и думает. Кто быстрее. Кто чище. Кого Прохорыч похвалил. Кому дал более сложную работу. К чьему столу подошёл первым. К вечеру Прохорыч вернулся с небольшим свёртком.

— Есть работа.

Он развернул ткань. Внутри лежала треснувшая каменная пластина от старой шкатулки. Рисунок был сложный: красновато-коричневая яшма с тёмной полосой по краю.

— Нужно заменить одну сторону. Похожего камня нет. Придётся подбирать.

Он достал несколько заготовок.

— Егор, Никита. Ищите.

Вот это Егорка любил. Не резать, не шлифовать — именно искать. Прохорыч часто говорил, что хороший мастер сначала час смотрит, а потом десять минут работает. Егорка перебирал куски яшмы. Первый слишком красный. Второй светлый. Третий почти подходил, но рисунок шёл в другую сторону. Никита работал рядом. Через несколько минут он выбрал два камня. Егорка — один. Прохорыч посмотрел. Первый Никитин отложил сразу. Второй повернул.

— Можно.

Потом взял Егоркин. Замер. Намочил поверхность. Рядом положил старую пластину. Рисунок почти совпадал. Не цвет целиком, не форма полос — движение камня. Тёмная линия будто продолжалась.

— Вот этот, — сказал Прохорыч.

Егорка посмотрел на Никиту. Тот кивнул.

— Да.

Всего одно слово. Но впервые оно не раздражало.

— Почему выбрал? — спросил Прохорыч.

Егорка пожал плечами.

— Не знаю.

— Плохо.

— Просто увидел.

Прохорыч посмотрел внимательно.

— Вот это уже лучше.

Никита взял камень.

— Я такой сначала отложил.

Егорка удивился.

— Почему?

— Цвет показался другим.

— А потом?

— Потом понял, что зря.

Он вернул камень.

— Ты рисунок увидел.

Егорка почувствовал странную вещь. Ему было приятно. Но не потому, что оказался лучше. Точнее — не только поэтому. Впервые Никита сказал это без снисходительности, как один работник другому. На следующий день Прохорыч поручил Егорке вырезать замену для шкатулки. Никита работал рядом. Егорка несколько раз замечал, что тот смотрит.

Наконец не выдержал:

— Чего?

— Ничего.

— Смотришь.

— Смотрю.

— Зачем?

Никита показал на линию.

— Я бы так не повёл.

Егорка сразу напрягся.

— А как?

Никита подошёл, не взял инструмент — только показал пальцем.

— Если отсюда, тёмная полоса выйдет чуть выше.

Егорка посмотрел. Потом приложил старую пластину. Никита был прав. Если сделать так, линия действительно совпадёт точнее. Егорке очень хотелось сказать: «Я и сам видел». Но он не видел.

— Хорошо, — сказал он.

Никита вернулся к столу.

Через несколько минут Егорка спросил:

— А у тебя этот край почему такой?

Теперь подошёл уже он. Никита показал заготовку.

— Хочу оставить чуть толще.

— Зачем?

— После шлифовки уйдёт.

— Много оставил.

— Думаешь?

— Думаю.

Никита посмотрел.

— Наверное.

Снял ещё немного. Прохорыч всё это время работал у окна. Казалось, не обращал внимания. Но ближе к вечеру сказал:

— Вот теперь нормально.

Оба обернулись.

— Что нормально? — спросил Егорка.

— Работаете.

— Мы и раньше работали.

— Раньше вы мерились.

— Чем? — усмехнулся Никита.

Прохорыч поднял брови.

— Резцами, конечно.

Никита рассмеялся. Егорка тоже. Напряжение, державшееся несколько дней, вдруг исчезло — словно его и не было. Через неделю Афанасий вернулся. Он вошёл шумно, довольный, с мороза, принёс Прохорычу небольшой пакет табаку и долго рассказывал о работе на Верхнем заводе. Никита собирал инструмент. Егорка смотрел и неожиданно понимал, что не хочет, чтобы тот уходил.

— Ну что? — спросил Афанасий. — Не замучил тебя мой?

Прохорыч посмотрел на Никиту.

— Работает.

— Это хорошо.

— Рука чистая.

Афанасий довольно кивнул.

— Я ему говорю.

Прохорыч продолжил:

— Только голову к руке ещё надо приделать.

Никита усмехнулся.

— Про это отец тоже говорит.

Потом Афанасий посмотрел на Егорку.

— А этот твой?

Прохорыч не ответил сразу. Егорка замер. Старик повернулся к нему.

— Этот сам по себе.

И почему-то эти слова оказались важнее любой похвалы. Никита свернул инструменты. Перед уходом подошёл к Егоркиному верстаку.

— Ну, бывай.

— Бывай.

Помолчали.

— Если отец отпустит, ещё приду.

— Приходи.

— Только ты к тому времени не стань совсем мастером.

Егорка улыбнулся.

— А то что?

— С разговорами замучаешь.

— Это Прохорыч тебя разговорами мучает.

Из другого конца мастерской донеслось:

— Я всё слышу.

Оба рассмеялись. Когда дверь за Никитой закрылась, мастерская вдруг показалась слишком тихой. Егорка вернулся к работе. На столе лежала новая заготовка. Он взял резец, сделал несколько движений, потом остановился.

— Прохорыч.

— Чего?

— А правда, что у каждого мастера своя рука?

— Правда.

— А какая у меня?

Старик не ответил сразу. Подошёл. Посмотрел на работу. Потом на Егорку.

— Пока чужая.

Егорка нахмурился.

— Как это?

— То моя. То Никитина. То ещё чья-нибудь, которую увидишь и захочешь повторить.

— А своя когда будет?

Прохорыч пожал плечами.

— Когда перестанешь её искать.

Егорка покрутил резец в пальцах.

— Опять непонятно.

— И хорошо.

— Почему?

— Понятное быстро забывается.

Прохорыч вернулся к своему столу. Егорка продолжил работу. Через некоторое время поймал себя на том, что держит инструмент почти так же, как Никита. Поправил руку. Потом усмехнулся. Снова взял резец — на этот раз уже не думая, чья это рука. И работа пошла легче. Поздно вечером, когда они убрали мастерскую, Егорка случайно поднял глаза на верхнюю полку. Тёмный камень лежал там же, неподвижный.

Прохорыч заметил его взгляд.

— Опять?

— Просто смотрю.

— Смотри.

Егорка удивился. Раньше старик сразу обрывал любой разговор о камне.

— А можно спросить?

— Спросить можно всё.

— Вы когда его резали... вам кто-нибудь показывал, как надо?

Прохорыч медленно отложил тряпку.

— Нет.

— Совсем один?

— Почти.

— И ошиблись?

Старик долго смотрел на полку.

— Не потому ошибся, что один был.

— А почему?

Прохорыч погасил одну лампу. В мастерской стало темнее.

— Потому что очень хотел сделать лучше всех.

Егорка замер. Прохорыч открыл дверь. С улицы ворвался холодный воздух.

— Идём. Поздно.

Они вышли. Но всю дорогу домой Егорка думал не о Никите. И даже не о своей работе. Он думал о молодом Прохорыче, которого никогда не видел. О человеке, который когда-то тоже, наверное, смотрел на чужие руки, сравнивал, спешил, хотел быть первым. И о тёмном камне, который до сих пор лежал на верхней полке как напоминание о том, что иногда желание стать лучше других мешает человеку стать лучше самого себя.



Жилка

Камень был некрасивый. Так решил Егорка сразу. Сероватый, неровный, с бурым пятном по одному краю. Никакой тебе глубокой зелени малахита, никакой тёплой красноты яшмы, никаких блестящих вкраплений. Утренний свет делал его ещё беднее: поверхность казалась сухой, почти пыльной. Прохорыч положил его на верстак и сказал:

— На сегодня.

Егорка повертел кусок в руках.

— И что из него делать?

— Посмотри.

— Я смотрю.

— Плохо.

Егорка вздохнул. После истории с Никитой он старался не спорить по пустякам, но иногда Прохорыч будто сам просил.

— Тут ничего нет.

— Тогда выброси.

Егорка поднял глаза.

— Серьёзно?

— Конечно.

— Хороший камень?

— Ты же сказал — ничего нет.

Егорка посмотрел на кусок ещё раз.

— Ну... может, что-то и есть.

Прохорыч усмехнулся.

— Вот теперь начинай.

Он ушёл к своему столу. Егорка положил камень перед собой и стал поворачивать. Сбоку проходила тонкая светлая линия — совсем неинтересная, кривая, местами почти исчезающая. Он намочил поверхность. Линия стала заметнее. Пошла от одного края к другому, потом раздвоилось и снова сошлось. Егорка нахмурился. Что-то в ней было. Но что — непонятно. Он долго смотрел, потом взял карандаш и провёл рядом несколько пробных линий. Не то. Стер. Повернул камень. Теперь светлая жилка пошла снизу вверх. Так было лучше. Будто стебель. Или веточка.

Он снова намочил поверхность. В одном месте от основной линии отходил маленький изгиб. Егорка прищурился. Лист. Совсем маленький. Почти незаметный. Он почувствовал знакомое волнение. Не такое, как раньше, когда хотелось поскорее начать работу. Теперь наоборот — хотелось не трогать. Только смотреть. За окном капало с крыши. Солнце то появлялось, то уходило за молочные облака, и вместе с ним менялся цвет камня. Серый становился теплым, потом снова холодным. Прохорыч заметил, что Егорка замер.

— Что?

— Ничего.

— Тогда чего стоишь?

— Думаю.

— Полезное занятие.

Егорка не ответил. Ему вдруг стало ясно: если снять слишком много, рисунок исчезнет. Если мало — останется грубым. Нужно было не придумать форму, а найти её внутри. Он взял тонкий резец и сделал первое движение. Потом второе. Работал медленно. Прохорыч больше не подходил. Время шло. За окном менялся свет. Сначала мастерская была серой и холодной, потом солнце пробилось сквозь облака и на несколько минут легло на стол золотистым пятном.

Егорка поднял камень к свету. Жилка стала ярче. Теперь она уже точно напоминала ветку — тонкую, весеннюю, с одним маленьким листом. Он улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.